

кую продукцию даже в **управляемое биологическое оружие**. С учетом распространения в мире террористической угрозы перспектива разрешения противоречий XXI века подобным путем, не только открытого, но и скрытого применения биотехнологий, выглядит пугающей.

Литература

1. Зарубежный Восток и современность. Т. 2. – М.: Наука, 1980. – 319 с.
2. Тоффлер Э. Третья волна. – М.: 1999. – 784 с.

Кизима В.В.

ДЕИДЕНТИФИКАЦИЯ ЧЕЛОВЕКА И АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ КРИЗИС

Современная ситуация такова, что позволяет говорить об антропологическом кризисе, по своему значению и последствиям потенциально превосходящим прочие, активно обсуждаемые сегодня в обществе – политические, финансовые, военные, религиозно – этнические, межнациональные, сырьевые, продовольственные, и даже «конвергенцию катастроф», к которой, как считает модный ныне в Европе автор Гийом Фай, движется современный мир [18]. Превосходит, поскольку касается их общего глубинного основания – человека. Данный кризис разразился во второй половине XX века и продолжается сегодня в новой форме, вследствие чего можно говорить о двух его этапах.

Первый этап наиболее отчетливо представлен в работах философа Герберта Маркузе, менеджера, главы филиала итальянской фирмы «Фиат» Аурелио Печчеи и американского журналиста Э. Тоффлера, что само по себе показательно. То, что кризис первоначально был зафиксирован не только специфическим философским языком Г. Маркузе «сверху» в связи с проблемой «одномерного человека», а и был прочувствован «снизу» представителями конкретных специальностей – экономистами, бизнесменами, математиками и др., собравшимися вокруг А. Печчеи в рамках Римского клуба, и выражен в ярких публицистических рассуждениях журналиста и футуролога Э. Тоффлера о футурошоке, с самого начала свидетельствовало о глубине и мощности надвигающихся антропологических проблем.

Начавшаяся как общая попытка осмыслить судьбы глобализирующегося человечества? работа упомянутого Римского клуба в виде в его многочисленных резонансных докладов постепенно привела к осознанию того, что главный источник мировых проблем связан с общим их центром – человеком. В своей последней работе [1977 г.] А. Печчеи писал, что «триумфальное развитие западной цивилизации неуклонно приближается к критическому рубежу» и отмечал, что нельзя без конца уповать на всякого рода общественные механизмы, на обновление и усовершенствование социальной организации общества, когда на карту поставлена судьба человечества как вида, поскольку не они определяют, в конечном счете, его судьбу, Печчеи пишет, что «истинная проблема человеческого вида в данной ситуации его эволюции состоит в том, что он оказался неспособным в культурном отношении идти в ногу и полностью приспособиться к тем изменениям, которые он сам внес в этот мир» [11, с.43–44]. (курсив мой – К. В.). Иначе говоря, Печчеи прямо указывает на кризис, состоящий в том, что человек оказывается неспособным соответствовать тем изменениям, которые сам вызывает. Другими словами, уже к середине XX в. мы оказались в парадоксальной ситуации усиливающегося несоответствия нас той жизни, которую мы сами себе создаем. Отсюда естественным является дальнейший вывод Печчеи относительно преодоления данной ситуации: поскольку проблема «находится внутри, а не вне человеческого существа, взятого как на индивидуальном, так и на коллективном уровне», постольку и ее решение «должно исходить прежде всего и главным образом изнутри его самого» (курсив мой – К. В.). Что это означает, Печчеи не объяснил, сведя ответ к общим словам о необходимости изменения самого человека, о «революции в самом человеке», о развитии «человеческих качеств».

Та же мысль проводится в работах Э. Тоффлера. Его ранняя книга «Футурошок» (1970 г.) – бестселлер, который, как пишется в аннотации одного из последних его изданий на русском языке, представляет интерес для читателей «от домохозяйек до научных работников», вышедший на год позже первой работы Печчеи, начинается словами: «Эта книга о том, что происходит с людьми, испытавшими потрясение от перемен. О том, как мы приспосабливаемся к будущему или терпим в этом поражение» [15, с. 4]. Стремительный поток перемен, пишет Тоффлер, настолько силен сегодня, что «из –за него подрываются устои общества, меняются ценности, забываются корни». Проблема та же – человек не успевает адаптироваться к переменам, которые сам же создает. Рекомендации у Тоффлера менее радикальны, чем у Печчеи, но сходны по смыслу: «человеку необходимо быстро научиться контролировать темпы перемен, как в своей личной, так и в общественной жизни в целом, иначе большинство из нас утратит способность приспосабливаться». Тоффлер более метафоричен, чем глубок. Кризис человека он видит не в отношениях человека и общества, человека и природы, а в утрате адаптации человека к общественным изменениям и предостерегает, что внесение соответствующих перемен будет чревато существенными издержками. Последующие его работы, особенно «Третья волна», носят характер не столько ответа на антропологический вызов, сколько описывают новое супериндустриальное общество, где, как предполагается, проблемы могут быть сняты. Здесь, в отличие от первой работы, уже доказываемая необходимость определенных и достаточно быстрых перемен, без которых издержки могут оказаться не менее значимыми. Иначе говоря, картина дорисовывается не столько вглубь, сколько вширь, теоретический анализ подменяется футурологическими гипотезами. Но в общем случае, у А. Печчеи и Э. Тоффлера акцент делается на высокой динамике перемен и рисуется общее пространство антропологического кризиса. При этом следующие из этих важных, но неизбежно еще общих рассуждений выводы являются недостаточно технологичными для того, чтобы идти по пути каких –либо практических шагов.

Сегодня происходит существенная конкретизация указанного этими авторами кризисного положения [не соответствия человека ситуации, которую он сам создает], что можно оценивать как второй этап кризиса, начавшегося ранее. Данная конкретизация связана с проявляющимся в настоящее время феноменом деидентификации человека. Фактически это следствие отмеченной Печчеи и Тоффлером высокой изменчивости процессов в современном обществе и роста разнообразия индивидуальных форм мобильности людей, из – за которых происходит размывание традиционной профессиональной и социальной структур, т. е. идентифицирующих человека факторов. Социологи подтверждают факт наличия деидентификационных процессов. Они говорят о том, что «плывет» традиционная социальная стратификация, а вместе с этим утрачиваются привычные маркеры идентификации человека. Отмечается [13], что сегодня не только индивиды перемещаются между позициями, что было и раньше, но и сами позиции пришли в движение и не могут составить сколько – нибудь стабильные конфигурации. Единство индивидов и позиций уступает место расщеплению, их взаимной дифференциации. Человек освобождается от обязательств перед требованиями своего статуса, принадлежать к позиции и участвовать – отныне не одно и то же. Происходит совмещение и сближение самых разнообразных, даже контрастных ролей, утрачивается постоянство центров тяготения и приоритетов, разделение на объекты и субъекты не дано априори и навсегда.

Самый цитируемый в мире социолог Энтони Гидденс дает характерное название циклу своих лекций, прочитанных по каналу всемирной службы Би – би – си, – «Ускользящий мир» [4]. В работе российских авторов отмечается, что в начале 90 – х гг. XX в. "предмет исследований – социальные структуры – находился в ситуации изменения, становления нового качества, был аморфен", происходило не только "появление ранее не существовавших страт в системе стратификации – прежде всего класса крупных и средних собственников, слоя "новых бедных", маргиналов, безработных, но и соответствующая адаптация этих слоев ко вновь возникающим статусно – ролевым функциям, переориентация социальной и личной идентичности" [14, с. 6,7]. Общим выводом сегодня могут быть слова: "Время незабываемых и твердых идентичностей истекло" [13, с. 16].

Как это связано с антропологическим кризисом? Сама по себе тенденция деидентификации внешне предстает самостоятельным социальным процессом. Но на самом деле она обуславливает – таки антропологический кризис, поскольку вызывает две прямо противоположные тенденции, сталкивающиеся в человеке и создающие в его голове горючую смесь творческой свободы и анархии, вырождающуюся в то, что можно назвать «бестолковой активностью». Кризис идентификации имеет одновременно позитивный и негативный характер для человека, и это и создает антропологическую дилемму.

Позитивная его сторона состоит в том, что им, как это ни парадоксально, решается маркузевская проблема одномерности человека, казавшаяся до сего дня неразрешимой. Г. Маркузе полагал, что в индустриальном обществе традиционное господство «преобразуется в администрирование» [10, с. 42], в результате чего «осязаемые источники эксплуатации исчезают за фасадом объективной рациональности». Поскольку администрируемая жизнь становится в то же время стандартом благополучной жизни для общества, люди воспринимают ее как позитивный момент, более того, свою жизнь выстраивают как движение вверх по сформированной социальной лестнице. В результате против ее изменения объединяются даже противоположные силы [10, с. 335]. Однако человек в этих условиях, все больше укореняясь в административной системе, одновременно становится „одномерным“. Тем самым, по Маркузе, естественным образом формируется автоматическая идентификация одномерностью, нивелирующая людей, являющаяся продуктом „изолированного, научного управления и организации, которая сводит на нет „внутреннее“ измерение сознания – основу оппозиции status quo“. В обществе исчезает критическая сила разума, он превращается в покорность фактам жизни [10, с. 14 –15]. Это значит, исчезает исторический субъект, способный открывать новые горизонты свободы.

Антропологическая и одновременно социальная проблема, которую обозначил Маркузе, гласит: „как могут управляемые индивиды, которые превратили процесс своего увечения в свои собственные права, свободы и потребности, воспроизводимые в расширяющемся масштабе, освободить себя от самих себя и от своих хозяев? Можно ли вообще помыслить, что этот замкнутый круг будет разорван?“ [10, с. 329]. Выход, предложенный Г. Маркузе в своем „Великом Отказе“, оказался утопичным, что подтвердили события, происходившие во Франции в середине XX в.. Но исторический парадокс в том, что именно явно обозначившийся сегодня процесс деидентификации фактически решает проблему одномерности, поскольку ведет к размыванию идентификационной сети – „рамки одномерности“. И происходит это без кровопролитных революций, „само по себе“.

Нельзя не отметить, что определенные тенденции данного процесса подмечены уже в работах Тоффлера, но без осознания их истинного значения, хотя этот автор и склонен за ними видеть создание «нового социального характера» и ищет те черты этого характера, «которые с наибольшей вероятностью будут цениться цивилизацией завтрашнего дня» [16, с. 602]. Черты, которые рисует Тоффлер, во многих случаях гипотетичны, постоянно сопровождаются словами «наверное», «вероятно», «следует ожидать» и т. п. Но, говоря о «новом работнике», он, используя и социологические материалы, указывает на явления, которые действительно имеют место уже сегодня [16, с. 606–610]. В частности, он отмечает: работа становится все более разнообразной, менее фрагментаризированной, каждый выполняет более крупные, а не мелкие задания, гибкий график и свободный темп заменяют прежнюю потребность в массовой синхронизации поведения. Работникам приходится справляться с более частыми переменами в их работе, а также со сбивающим с толку чередованием переводов персоналов, изменениями продукции и реорганизациями. Работодатели испытывают возрастающую потребность в работниках, которые принимают на себя ответственность, понимают, как их работа связана с работой других, быстро адаптируются к изменившимся обстоятельствам и которые чувствуют настроения людей вокруг них. Сегодня нужны люди, отмечает Тоффлер, с меньшей запрограммированностью, более быстрые на подъем. Это сложные люди, индивидуалисты, гордящиеся тем, что не похожи на других.

Он обращает внимание и на изменение характера мотивации труда. Только 56% американских работников, главным образом более пожилых, еще сохраняют мотивацию традиционными стимулами. А 17% имеют другие ценности – в основном молодые руководители среднего звена жаждут большей ответственности и более живой работы с поручениями, достойными их таланта и квалификации. Наряду с финансовым вознаграждением они ищут в работе смысл. Некоторые компании предлагают сейчас работникам не фиксированный набор дополнительных льгот, а отпуска, медицинские льготы, пенсии и страхования по их выбору. Каждый работник выбирает их, исходя из своих нужд. Нет такого одного набора стимулов, которым можно мотивировать весь спектр рабочей силы. Среди разнообразных вознаграждений за работу деньги больше не имеют такой мотивирующей силы, как раньше. Достигнув определенного уровня доходов, люди начинают сильно отличаться в своих потребностях. Характер власти также меняется. Работники имеют одновременно более одного руководителя. Разные по рангу и квалификации люди встречаются во временных группах, созданных для решения конкретных вопросов. Разногласия решаются без участия общего начальника. Разные мнения ценятся, люди выражают свою точку зрения, даже когда знают, что другие могут не согласиться. Такая система наказывает работников, проявляющих явное послушание, и вознаграждает тех, кто возражает в разумных пределах. Все эти тенденции можно оценить как позитивные, поскольку объективно они направлены на раскрепощение человека и более полное проявление его сущностных сил.

Но, с другой стороны, размывание идентификационных механизмов несет и опасность. Она состоит в том, что при утрате параметров идентификации человека само понятие идентификации начинает терять ценность и смысл. А это чревато утратой внутренней пружины жизни – тех фундаментальных вопросов, которые гностик Феодот выразил словами: «Кто мы? Кем стали? Где мы? Куда заброшены? Куда стремимся? Как освободимся? Что такое рождение и что возрождение?», а Кант: «Что я могу знать? Что я должен делать? На что я могу надеяться?». Кризис самоидентификации чреват утратой человеком жизненных ориентиров и самого человеческого качества в сложившемся его виде. Моделью этого процесса может служить сегодня общение в Интернете, особенно если человек [чаще всего молодой] просиживает за компьютером многие часы и дни. Как свидетельствует в своей диссертации молодая исследовательница, в этом случае человек берет себе придуманное имя, пол, внешность, социальное происхождение и статус, смыслы, чистоту языка, религиозную веру, имущественное состояние, национальность, привычки, обычаи, увлечения, недостатки, имеет возможность мгновенного перехода из одной системы ценностей в другие, что порождает иллюзию легкости самоутверждения и релятивизацию норм и постоянное принуждение к выбору, где и кем быть в конкретный момент [21, с. 5].

Такая субкультура мировой сети не безобидна, поскольку, приучая свободно и безнаказанно играть со смыслами и ценностями, нормами и правилами, саму реальную жизнь также превращает в игру, игра становится первичной, а жизнь вторичной. В таком случае неизбежно столкновение компьютерного способа мышления и реальности, чреватое личностными и социальными кризисами и непредвиденными последствиями. Молодежь, которая втягивается в этот процесс, потенциально асоциальна своей нигилистической бравадой и неукорененностью в основах бытия, представляет очередное историческое потерянное поколение. Те, кто понимает ничтожность модных смыслов, но не имеет других, попадают в тяжелую субъективную ситуацию.

Внешнее проявление кризиса смыслоутраты стало сегодня настолько очевидным, что позволяет изучать его эмпирически. С одной стороны, ведутся наблюдения, описания и типологизации детей с превышающими обычные стандарты умственными способностями (так называемых «детей –индиго»). С другой, как показал Виктор Франкл, утрата человеком смысла (показательно, что объектами исследования были в основном молодые люди, студенты) ведет к суицидальным исходам, наркомании и алкоголизму, и там, «где налицо экзистенциальный вакуум» [19, с. 33], разрастаются агрессивные импульсы, т. е. идут процессы деградации. Размывание норм идентификации может рассматриваться и как проявление диффузии норм и регуляторов жизнедеятельности, что опасно не только для индивида, а и для стабильности общества. Реальностью становятся ситуации вседозволенности, подобные описанной Гансом Кюнгом: «Если представить, что нет никакого персонального риска, то почему преступнику нельзя убивать своих заложников, диктатору – угнетать свой народ, экономической группе – эксплуатировать свою страну, нации – начинать войну, военному блоку – в экстремальном случае посылать ракеты против второй половины человечества, если это отвечает их основным интересам и отсутствует трансцендентный авторитет, который имеет силу абсолютного духа для всех» (цит. по [6, с. 10]). Возникает потребность в таких основаниях жизни, которые бы исключали нравственный и любой другой релятивизм. Коммуникативная философия, которая пытается решить данную проблему, пока что предлагает утопические схемы, в основе которых лежит идея дискурса, поиска общезначимых и общеприемлемых регуляторов жизни путем приведения к консенсусу по возможности максимального количества людей. Идея утопична для современной ситуации, когда не могут договориться не только государства, а и несколько министров в одном правительстве или соседи по этажу. Без учета иных, более глубинных оснований человеческого бытия, снимающих эти проблемы, такие договорные отношения не могут служить базой социума.

Из сказанного следует, что современный человек оказался на пересечении мощных влияний двух процессов, имеющих общее основание, – деидентификации, позволяющей ему преодолевать свою одномерность и раскрывать творческие возможности, и той же деидентификации, но чреватой утратой им основополагающих смыслов жизни, ставящей под вопрос само его бытие, превращающей жизнь в нечто более свободное и широкое, но и поверхностное, имеющее форму лишенного ответственности развлечения и игры. В этом и состоит **сущность современного антропологического кризиса**. Пребывая в нем, человек оказывается в состоянии неопределенности, поскольку ценой отказа от идентификации получает свободу действий и может реализовать свою специфику, но одновременно этот отказ ухлощает и обесмысливает данную свободу, уводит от ре-

альных жизненно важных проблем.

Эта америческая (неопределенная) ситуация имеет позитивный выход только в том случае, если рассматривать ее как переход от старой системы идентификации к некоей более глубокой и гибкой, иначе говоря, как этап на пути от деидентификации к реидентификации на новой основе. Данный вывод правомерен, потому что человек не может безнаказанно пребывать длительное время вне самоидентификации. Сегодня уже возрождаются те же феодотовские вопросы, хотя и в ином виде: «а есть ли у человека такое нечто, что остается и будет оставаться инвариантным при всех ... воздействиях и изменениях?» и «должно ли быть нечто, что при всех этих воздействиях и изменениях следует сохранять, оставлять неизменным?» [23, с. 17]. Эти вопросы однопорядковы с вопросами о смысле жизни и иногда важнее самой жизни. Как писал Эрих Фромм, для человека потребность самоидентификации может быть «порой сильнее, чем потребность в физическом выживании» [20, с. 64–65]. Сегодняшний кризис – это проявление событий, которые всегда сопровождали общественные процессы, но он имеет более масштабный характер. Это ситуации, когда человек не сдерживается прежними идентифицирующими рамками, но не может и возвратиться к ним. Он переживает эту ситуацию как поиск нового соответствия с миром и на пути этого поиска может не останавливаться даже перед опасностью утраты самой жизни, поскольку она вне данного поиска не имеет значения.

Если процесс деидентификации захватывает значительные слои общества, данное состояние порождает переживания больших масс людей и поиски ими новых смыслов. Это время становится временем пассионариев и пассионарности (специфической возбужденности, проявляющейся в непреодолимой тяге к действию). С момента введения этого понятия Л. Н. Гумилевым не прекращаются попытки разобраться в его сущности и источнике. На самом деле сущность проста – она состоит в поиске человеком выхода из неопределенного смыслового состояния, в которое его ставит жизнь – истинный источник пассионарности. Когда такое состояние охватывает все общество, явление пассионарности становится неизбежным и достаточно частым. Для его проявления нет необходимости в особых генетических сдвигах и мутациях организма человека, поэтому недостаточно обоснованным представляется описание пассионариев как «людей нового склада», «ломающих сложившийся уклад жизни», «со слабым инстинктом самосохранения», обладающих мощными положительными или отрицательными мотивами (жаждой власти, денег и т. п.), «способных к сверхнапряжению» и т. д. На самом деле пассионарии – это лидеры разных видов деятельности, которые нетерпимы к неопределенности своих состояний, чувствуют их сильнее других, находят выходы из них раньше, чем другие, и увлекают на переустройство идентифицирующих оснований все общество, если общество опускается в состояние неразберихи и хаоса, не останавливаясь перед грозящей лично им опасностью погибнуть на этом пути. Пассионарий – человек, меняющий мир через преодоление эпохи перемен, в которой этот мир [и человек вместе с ним] оказался. При этом на месте одной деидентифицирующейся системы ценностей может появляться несколько конкурирующих новых, а их носители и проповедники могут бескомпромиссно вести длительную борьбу за свои правды, одни – давая обществу жизнь и радость, другие – повергая его в смертные испытания и муки.

В конечном итоге дело оказывается не в деидентификации как таковой, а в тех более глубоких явлениях, которые стоят за ней и определяют как ее возможный позитивный, так и негативный моменты. Эти более глубокие основания связаны с историческим выявлением новых уровней субстратности мысли и жизни общества и человека. В истории проблема человека и проблема его самоидентификации могут меняться ведущими ролями, в результате чего либо решение проблемы человека определяет решение задачи самоидентификации, либо ее решение само зависит от решения последней. Это означает связь внешней и внутренней жизни человека. Изменение самости человека влечет преобразование внешних идентифицирующих отношений, а динамика социальной стратификации сказывается на внутренней жизни человека. В сегодняшней ситуации решения проблемы самоидентификации состоит не в том, чтобы пытаться реанимировать старые социальные основания идентификации, поскольку это невозможно, а в раскрытии новых внутренних параметров самости человека в соответствии с изменившейся социальной ситуацией. Иначе говоря, это решение упирается в открытие новых потенций самости человека. Поэтому вопрос о сущности антропологического кризиса оказывается также и вопросом о сущности новой самоидентификации человека. В общем же случае речь идет о том, что в историческом развитии общества природа человека должна была каждый раз открываться по-новому и уясняться до такой степени, чтобы это позволяло человеку понимать свое место в меняющемся мире. И наоборот, открытие новых сторон сущности человека всегда меняло место человека в жизненных обстоятельствах и вело к изменению данных обстоятельств. Имеет место **закон соответствия внешней жизни человека в мире и его представлений о самом себе**. Этот закон как тенденция всегда осуществлялся в обществе.

Особенность сегодняшнего положения в том, что на самом деле кризис испытывает не идентификация как таковая и не человек как таковой, а лишь сложившаяся ранее социальная идентификация, помещавшая человека в ту или иную социальную нишу, чаще всего по принципу его ролевого статуса в обществе или характеру добывания им средств существования и тем ограничивавшая понимание сущности человека. В условиях значительных изменений внешних параметров человеческих отношений, в которых мы сегодня оказались, традиционная идентификация должна быть дополнена более устойчивыми характеристиками, связанными с глубинными измерениями человека, с истинно человеческим в нем, с тем, что формируется вместе с самим человеком и, в общем случае, не исчерпывается только социальной стороной, тем более отдельными сторонами социальности. На первое место должно выходить то в человеке, что сегодня, как сказала одна польская исследовательница, проявляется в основном вне работы и бизнеса, «оставляется на воскресенье». В таком случае углубление в сущность, полноту, целостность человека – единственный путь и условие преодоления возникших трудностей идентификации и их последствий, а значит, и преодоления антропологического кризиса.

При решении данной задачи следует исходить из того, что указанный закон соответствия в современном социуме отчетливо проявляется в виде парадоксальной тенденции: чем больше человек стремится отгородить-

ся от Бытия своими цивилизационными достижениями и искусственным миром, тем более глубокой становится их взаимная диффузия. Точка их взаимоудаления, зафиксированная в XVIII веке Ж. – Ж. Руссо, – пройдена. Маятник движется назад, и тем активней, чем значительней наша деятельность. Предприниматель Аурелио Печчеи, уяснивший, что решение проблем человечества упирается в «революцию в самом человеке», философы Мишель Фуко, в «Истории безумия в классическую эпоху» (1961) указавший, что XIX век знаменует собой начало безумия как массового явления (а сегодня тезис о массовых психических отклонениях стал обыденным), и Герберт Маркузе, в «Эросе и цивилизации» [1956] отметивший, что человечество движется к освобождению инстинктов, – по существу зафиксировали, что изменение внешних, явных порядков человеческого бытия не изолировано от скрытых тенденций в человеке, и потому развитие первых неизбежно ведет к углублению во вторые, к возврату к человеческим истокам. Упомянутый Гийом Фай в своей книге «Археофутуризм» (1998 г.) утверждает, что сотрясение цивилизации в результате упоминавшейся «конвергенции катастроф» может быть подчинено только в том случае, если мы сможем возвратиться к нашим корням, видоизменить их и спроецировать в будущее. Это действительно так, но при условии, если не идеологизируют «наши корни» и не мифологизируют ситуацию в геновском духе, впадая в самообман и фундаментальный консерватизм. Современная жизнь требует более широкого взгляда на сущность человека. Уже и наука, не говоря о религиозных и эзотерических традициях, наталкивает на вывод, что человек есть место пересечения мировых стихий, в развитии которого лишь на последнем этапе через слияние женской и мужской половых клеток мироздание завершает свое самокодирование в виде человеческого генотипа. Затем начинается обратный процесс – определяемое вначале специфическими условиями материнского организма, а затем особенностями природных и социальных условий проживания местное его декодирование, порождающее данного конкретного человека и его жизнь.

Сегодня может считаться установленным факт связи присущего только человеку абстрактного мышления с альфа-ритмами мозга человека, которые, как теоретически обосновал и экспериментально подтвердил еще в 1952 г. В. О. Шуман, в свою очередь, связаны с естественными электромагнитными резонансными колебаниями системы «Земля – ионосфера». Грей Уолтер в 1953 г. предположил, что «чувствительность мозга к электрическим воздействиям могла бы обеспечить связь с некоторым началом, пронизывающим все вокруг нас». Косвенным свидетельством в пользу такого допущения может служить обоснованный на сегодня вывод о том, что характер альфа – ритма является врожденным и, вероятно, наследственным и, стало быть, есть проявление более универсальной космической ритмики. Учитывая, что это лишь одна – электромагнитная – линия связи человека с миром, не исчерпывающая иные возможные, но пока менее исследованные и разноуровневые, можно утверждать, что самость человека является инверсией порядков его необъятного внешнего бытия, а сама разворачивается в виде специфических, качественно иных порядков – человеческой культуры. Человек есть соединяющая их точка инверсии, которая всегда находится внутри Бытия как связующее звено человеческого макро – и микромира. Из этой точки человек разворачивается в процессе рождения и в нее же он стягивается по завершении своей земной жизни. Человек возникает как кодирование всей истории планеты и ее органического мира в его генотипе и зародыше, а вся его жизнь есть декодирование себя в деятельности и культуре. Единство процессов кодирования и декодирования имеет место не только в человеке, а и применительно к любой форме бытия. Это позволяет сделать фундаментальное обобщение: качественное разнообразие Бытия не может быть утрачено.

Социальный мир, который все больше выходит из-под контроля и «ускользает из рук», прямо указывает, что человек, влияя на мир, в то же время укоренен в нем, и этому нет альтернативы: он – всегда внутри Бытия, как дитя в лоне матери. Но в отличие от материнской утробы, которую он покидает в результате акта рождения, утроба Бытия является для вечной, и он остается в ней навсегда, меняя лишь формы и позиции своего пребывания в ней. Поэтому он должен исходить из этого вечного факта – он не существует сам по себе, он всегда – в единстве с обстоятельствами. Чем масштабней и напористей развитие глобального сообщества вскрывает уходящие в бесконечность возможности человека, тем очевидней становится глубокая и органичная связь каждого из нас с мирозданием и друг другом, тем загадочней (но и ближе к разгадке) предстает уникальность каждого.

После своего рождения, фиксируемого соответствующим медицинским свидетельством, человек продолжает рождаться всю свою жизнь, о чем правильно сказал Э. Фромм. Но и после своей смерти – об этом Фромм не сказал – человек, хотя и регистрируется как умерший, остается в Бытии, ибо ничего в Бытии не может быть утрачено, иначе оно бы мгновенно исчерпало себя в своих смертных формах и стало бы однородной, бескачественной массой, не имеющей даже и свойства массы, т. е. превратилось бы в не – Бытие. Бытие – субстанция; человек, как одна из форм ее проявления, всегда присутствует в ней, если не актуально, то виртуально, если не в действительности, то в возможности. Поэтому проблема, достойная называться главной проблемой метафизики, состоит не в оплакивании бессмысленности человеческой жизни или в возвеличивании его смерти (примеры последнего можно найти в статье [3]), а в том, чтобы научиться видеть относительное в абсолютном и наоборот, установить универсальный механизм связи редукций онтических форм к онтологической субстанции и обратного порождения их из нее в иных формах.

Вечность Бытия есть вечная возможность и действительность его форм, в том числе равновоспроизводимость и трансформации одних и тех же, потому что все в единой субстанции Бытия – одно и то же. И каждый человек, в этом смысле, вечен. Необходимо лишь научиться управлять онтико-онтологической природой Бытия. Когда Фромм замечает, что «трагическая участь большинства людей – умереть, не успев родиться» [20, с. 13], то он увлекается фразой, а не существом вопроса. Человек всегда рождается и умирает в той мере, в какой сублимирует свои свойства из Бытия и в то же время опредмечивает их в среде, а его смерть есть переход его

актуального состояния в виртуальное, скрыто существовавшее и раньше, равно как должна при этом происходить и актуализация тех или иных прежних виртуальных сторон в виде некоей новой жизни. Почему бы не считать, что старец, умудренный прожитой жизнью и накопленным опытом, может рассматриваться как синоним отнюдь не только физической беспомощности и болезней, а и вызревших мощных духовных потенций, не уместающихся в узкие рамки суетливой жизни социума, и его угасание и смерть есть на самом деле только уход из бытия человеческого муравейника в пространство обретения новой формы его осуществления. Как говорил Мигель де Унамундо, «разве не является вечное видение Бога вечной смертью, уничтожением личности?», а культ мертвых разве не есть культ бессмертия? Вопрос, который на самом деле подлежит анализу, состоит в том, сохраняется ли в этих метаморфозах идентичность каждого из нас, и если да, то в чем ее природа и как сознательно руководствоваться ею? Прав ли Мигель, утверждая, что «сладостный, упоительный, бесшумный полет» к Богу во время последней молитвы – это полет, «при котором я не утрачиваю самосознания, сознаю себя отличным от Бога, с которым я соединяюсь» [17, с. 58, 215, 216] (курсив мой – К. В.). Достигали ли цели даосы, буддийские мудрецы и мистики, овладевшие техникой глубокой медитации и откровения, истинного решения задачи соединения Бытия как Всеединства со своей индивидуальной жизнью, или это решение всегда оставалось лишь видимостью, которая исчезала вместе с их телесной смертью? Истинное решение проблемы идентичности человека – в ответе на эти вопросы.

Их практическое метафизическое значение связано с тем, что смысл каждой ступени моего личного бытия, как и бытия каждого человека, неотрывен от смысла Бытия, поскольку каждый – его часть, и только с этих высот я и другой может адекватно увидеть реальную картину своей текущей жизни и жизни своего времени. Чтобы знать человека, надо знать Вселенную, равно как и познание себя есть познание ее. Это тем более важно, если она, как сегодня, тотально отчуждена от человека, представляется абсурдом, тупиком, из которого нет иного выхода, чем радикальный отказ от нее в разных формах самоубийства или безумия. Тупиком не только далеким [связанным, например, с угасанием Солнца], а и почти повседневным, потому что именно хрупкость и бессмысленность индивидуальной жизни сегодня порождает очередной всплеск голода человека по бессмертию и обостряет трагическое чувство, о котором говорил Мигель. В действительности настоящее трагическое чувство связано не с неизбежностью смерти, а с тем, что мы пока что не умеем придавать своему бессмертию нужную нам форму. Не можем, освободившись от гео – и гелиоцентризма своего бытия, ощущать родство не только с ландшафтами, горами, деревьями и животными, а и с космическим вакуумом, темной материей и универсумом. Мы пребываем еще в подготовительном классе земной школы, как первобытные люди, считающие, что за пределами нашего племени больше ничего нет, в то время как настоящая жизнь состоит в том, чтобы за порогом бездны открыть мир, частью которого мы также являемся и который таит неограниченные возможности для решения и наших локальных задач, беспокоящих нас прежде всего.

Наивными являются сегодня и наши представления о самих себе. Анахронизмом является расчленение меня в разномодульных антропологиях и классификациях типа: «человек преобразующий», «человек эстетический», «человек политический», «человек религиозный», «человек сексуальный» и т. д. или по другим основаниям, все еще с серьезным видом предлагаемым на страницах пустых книг (можно без конца плодить «человеков», например используя древних, говорить о «человеке аскетическом», «человеке эвдемоническом», «человеке стоическом» и далее до «человека компьютерно – виртуального» и до бесконечности). Столь же бесплодно теоретическое растворение человека в религиозных и философских абсолютах. Все эти веками создававшиеся строительные леса еще в начале XX в. стали китайской грамотой и, одновременно, китайской стеной между человеком и Бытием, против которой периодически восстает живая философская мысль. Нужно проникнуть через наговоренное и написанное к первозданной человеческой природе, своей природе, прочувствовать ее и разобраться в ней как таковой, чтобы сохранять жизненные балансы «в себе – находящемся – в – мире», потому что я и мир – одно, хотя и не одно и то же.

Этот процесс стихийно уже идет. Ведь, по мере роста антропогенного давления на природу и инновационной активности человека, в центре дисбалансов все больше оказывается он сам. С другой стороны, пребывая на пересечении насыщенных информационных потоков и накопленного опыта, в том числе античеловечного, он имеет все больше возможностей проникать в свою природу и более адекватно реагировать на происходящее. Поскольку наша жизнь существенно меняется, о человеке надо знать иное. У масс людей нарастает мироощущение органической включенности в глобальные катаклизмы, формируется новое ощущение бытия как метаморфической тотальности, частью которой является человек. В то же время, самоуглубляясь, человек и самоизолируется. Это ощущение выводит на новое мировоззренческое понимание равноценности целого и частей в их взаимной определяемости и динамичности как единого процесса тоталогенеза. Сегодня данный процесс носит обремененный отживающими традициями и потому хаотичный характер. В своей включенности в жизнь я все больше атомизируюсь, моя жизнь, не по моей вине, все более истончается, зависит от частностей и деталей, напоминает игру, даже когда висит на волоске. Она смещается в область экстремальности, рисков и ответственных решений, но сами представления о рисках и опасностях теряют остроту и притупляются, поскольку нивелируются разрастанием сферы принудительной законопослушности, дрейфом естественного тотального жизненного потока в сторону извращенной тотальной системы, безысходным узником которой я, как и миллиарды людей, все более становлюсь. Это – не жесткая репрессивная система тоталитарных государств XX века, это паутина, которая обволакивает человека непрерывно дифференцирующимися законодательными нормами, уточняющимися кодексами, досье, идентификационными кодами и повсеместно приспособляемыми камерами наблюдения. Господствует тот, кто манипулирует этой паутиной и сам неподвластен ей. Противоречие в том, что, хотя исторический период расцвета тоталитарных систем миновал в XX веке и выработал определенный анти тоталитарный иммунитет, в сегодняшнем внешнем рыночном хаосе – свободе имеет место все более ощущаемый повсеместно дефицит личной свободы. Повсеместное и личное –

это взрывоопасное!

Несомненно, что решение данной проблемы грядет, поскольку человечество все же выходит из маркузевского тупика одномерности, и сегодня поползновения воспроизвести господство новой, на этот раз мировой элиты, вряд ли увенчаются успехом. Уже сегодня подобные античеловечные попытки начинают пожирать себя и своих инициаторов, развиваются предпосылки грядущих решающих событий. Но для завершения опыта этих попыток, скорей всего, потребуются пройти через глобальные испытания. В мире зреет подсознательная и повсеместная тяга к разрушению удушающих рамок, причем любой ценой, даже ценой переоформления своих идентичностей и событий, уносящих жизни тысяч людей. Это свидетельствует о высоком напряжении и драматизме ситуации, жертвующей своими частичными формами ради сохранения себя как целостного социума. Процесс становится все менее управляемым, и в нем все отчетливее проявляются общие закономерности организмического саморегулирования, в которых человек является не субъектом, а простым средством происходящего.

Что касается повседневной жизни, то некоторые, но пока лишь внешние, часто экзотические тенденции в направлении личного освобождения мы наблюдаем уже сегодня. Взор человека все больше оборачивается на самого себя как на целостность, ищущую адекватное место среди других таких же и в условиях взаимного толерантного сосуществования. Своеобразным проявлением ухода от внешних социальных коллизий и властно-репрессивных экономических и политических отношений является пробуждение пристального внимания человека к собственной телесности и своим личным социопсихологическим особенностям. Внимание, ориентированное на себя, а не на противостояние с другими – то, что если и не объединяет людей, то и не несет прямой конфронтации. В этом случае духовная жизнь становится более интровертной, дух, лишенный устойчивых внешних начал, подчиняется телу как единственно надежной реальности и воздвигает его на пьедестал. Но экстравертная функция не может быть утрачена в обществе. Поэтому возникает и обратная тенденция, но в специфическом виде – тело начинает обретать черты экстравертности в форме публичности, духовная экстравертность уступает место телесной. После метафизического анализа, предпринятого М. Мерло-Понти, тело сегодня стало объектом практического манипулирования как предмет искусства, объект гипертрофированного приложения косметических средств, непрерывного лечения и как средство наживы, например в профессиональном спорте, и как живой товар и источник донорских органов. Предметом публичных обсуждений и внимания становятся загадки родовых и генетических патологий, половой идентификации («андрогинии и бисексуалы – прошлое или будущее?» – задает вопрос один из авторов [7]). Всерьез обсуждаются и принимаются парламентами законы о признании противоестественных однополых браков, привычными явлениями стали сексуальное рабство, педофилия и порнография. Ведутся дебаты о целесообразности и последствиях клонирования человека, двусмысленной роли суррогатных матерей. Характер эпидемии приобрели увлечения пластическими операциями и операциями по увеличению роста. Внешность во многих случаях становится идеей фикс, участие во всякого рода кастингах, шоу, конкурсах красоты, стремление стать артистом, эстрадной «звездой», манекенщицей завершают эту апологию тела.

Обратной ее стороной, не отрицающей ее сути, является недовольство формой человеческой телесности. Раздается радикальная критика самой протеиновой основы человеческого организма, как порочного дефекта природы человека, и доказывается необходимость изменения субстрата человека на базе неорганических информационно-материалов. Развитие нанотехнологий, способных манипулировать отдельными атомами, создает новые возможности для геной инженерии, изменения отдельных органов человека и влияний на его мозг. Мозг сам по себе стал объектом повышенного внимания как центр сосредоточения и функционирования информации и регуляторных действий, в связи с чем будируется, казалось бы, оставшаяся в прошлом (в связи с попытками создания искусственного интеллекта) мысль о целесообразности редукции тела к мозгу. Как говорит Ж. Бодрийяр, «человеческое тело, наше тело кажется излишним в своей распростертости, в сложности и множественности своих органов, тканей и функций, потому что сегодня все концентрируется в мозге и генетическом коде, которые целиком исчерпывают операциональное определение бытия» (цит. по: [22, с. 66–67]). Возрождаются и старые опасения по поводу возможных негативных результатов, поскольку мозг без тела (по Патнэму «мозг в бочке») – это нечто иное, чем человек. Возможно, повышенное внимание к телесности, доходящее порой до абсурда демонстраций по телевидению картин самоистязания и антисоциального физиологического поведения в виде своеобразных шоу, есть необходимый этап на пути к сущности человека?

Каков мой ответ как человека на все происходящее? С внешней стороны тема полноценности моей жизни выводит меня на социальные проблемы, на вопросы оптимального для каждого человека устройства общественной жизни и справедливого глобального порядка. Это настраивает меня на развитие социальной активности и, одновременно, своей самодостаточности и устойчивого самоопределения в новых социальных порядках. С внутренней стороны – усиливается мой интерес к собственным возможностям и способностям противостоять неблагоприятным обстоятельствам и бессмысленности беличьего вращения в неустойчивом мире. Это создает предпосылки поиска новых жизненных горизонтов, смыслов и нового способа жизни, опирающегося на мои более глубокие, прежде скрытые возможности. Данная тенденция приходит, однако, в противоречие и столкновение с бестолковостью и бессмысленностью текущей жизни, которая строится на поклонении власти и деньгам как идолам, а столпами ее являются современные варвары, вся жизнь которых сводится к коррупции во власти и противостоянию любым попыткам внести разум, честность, честь и порядочность в происходящее. Огромные средства, находящиеся сегодня в тени мировой экономики, говорят о том, что варвары правят миром. Противоречие будет обостряться.

Тенденция не только праздного любопытства, а и роста заинтересованного внимания к неиспользованному потенциалу человека сегодня налицо. В том числе и со стороны варваров. Но это их и погубит. Начиная с

гуманистической психологии Абрахама Маслоу, ориентирующей на реализацию потребности человека в самоактуализации, обострился интерес к необычным способностям человека. К традиционным моделям рационального и нормативно – ориентированного действия стремятся добавить третью модель, отражающую креативный характер человеческой активности и рассматривающую действия как связанные с интенциональностью, индивидуальной автономией действующего субъекта и инструментализацией тела [8]. Разрабатывается использование скрытых свойств психики для создания новых индустриальных, учебных и управленческих постинформационных технологий [1]. Разрабатываются способы мышления, отличные от логического, отличающиеся нестандартностью и в то же время эффективностью [2, 12]. Особый интерес вызывает сфера человеческого сознания и ее необычайные возможности [5]. В обществе получило распространение и стало модным упоминавшееся представление об обладающих необычными качествами «детях –индиго», а в военных и разведывательных ведомствах некоторых стран начиная с середины XX в. тратятся значительные средства на разработку методов «парафизического» (бесконтактного, не зависящего от расстояния) воздействия человека на среду и считывания информации. Изучение человека перешло с внешних, описанных еще основателями психологии, проявлений психики на архетипический и трансперсональный уровни, включая «дочеловеческие» (перинатальные) состояния. Предпринимаются попытки всерьез говорить о дородовых способах бытования человека и связанной с этим его памяти, усиливается интерес к генетическим проблемам морфогебеза человека.

Существует ли подход к человеку, который бы позволил увязать все эти интенции на единой концептуальной основе, уяснить сущность новой, универсальной идентификации человека и рассмотреть указанные проблемы с позиций новой продуктивной методологии их решения? Таким подходом может быть только метафизическое понимание онто – онтологической дуальности человека, в котором человек рассматривается одновременно как часть бытия и его самостоятельная и специфическая форма, взаимно предполагающие друг друга. Но это, как говорится, уже другая история. О ней см. [9, с. 7 –153].

Источники и литература

1. Бахтияров О.Г. Постинформационные технологии: введение в психонетику. – К.: ЭКСПИР, 1997, 160 с.
2. Боно Э. де. Латеральное мышление. СПб: Питер Паблишинг, 1997. – 320с.;
3. Варавва В. В. Метафизика смерти: опыт «апофатической рациональности» – Вопросы философии, 2005, №12, с. 77 –93.
4. Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. – М.: Весь мир, 2004. – 120 с.
5. Гроф С. Холотропное сознание: Три уровня человеческого сознания и их влияние на нашу жизнь / Пер. с англ. – М.: АСТ и др. 2003. – 267 с.
6. Єрмоленко А.М. Комунікативна практична філософія. – К.: Лібра, 1999. – 488.
7. Жаров Л.В. «Третий» пол? // Человек, 2005, №3, с. 130 –136.
8. Йонас Х. Креативность действия/ Пер. с нем. – СПб.: Алетейя, 2005. – 320 с.
9. Кизима В.В. Метафизические начала сизигийной антропологии // Totalloge –XXI (чотирнадцятий випуск). Постнекласичні дослідження. – Київ: ЦГО НАН України. – 2006, 498 с.
10. Маркузе Г. Одномерный человек. – М.: REFL –book, 1994. – 368 с.
11. Печчи А. Человеческие качества. – М.: Прогресс, 1985. – 312 с.
12. Пивоварова О.В. Латеральне мислення та методи його розвитку // Totalloge –XXI [чотирнадцятий випуск]. Постнекласичні дослідження. – Київ: ЦГО НАН України. – 2006, с.216 –229.
13. Подвижность структуры. Современные процессы социальной мобильности. – К.: Институт социологии НАН Украины, 1999. – 204 с.
14. Социальная стратификация российского общества." – М.: Летний сад, 2003. – 365 с.
15. Тоффлер А. Футурошок. – СПб.: Лань, 1977. – 464с.
16. Тоффлер Э. Третья волна. – М.: АСТ 1999. – 784 с.
17. Унамуно Мигель де. О трагическом чувстве жизни. – К.: Символ, 1996. – 416 с.
18. Фай Г. Всемирный переворот. /Пер. с франц. – М.: Издательский центр «СЛАВА!», ООО «Форт –Профи», 2005. – 160 с.
19. Франкл В. Человек в поисках смысла. /пер. с англ. – М.: Прогресс, 1990. – 368 с.
20. Фромм Э. Человеческая ситуация. – М.: Смысл, 1994, – 288 с.
21. Щербина М.М. Міфологічні елементи в культурних формах повсякденності. Автореферат кандидатської дисертації. – Харків, 2006.
22. Эпштейн М. Тело на перекрестке времен. К философии осязания. // Вопросы философии, 2005, №8. – с. 66 –81.
23. Юдин Б.Г. О человеке, его природе и его будущем // Вопросы философии. – 2004. – №2. – С. 16 –28.